

Октябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

С О Д Е Р Ж А Н И Е

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Ф. ПАНФРОВ
А. КАРАБАЕВА
Е. ГАБРИЛОВИЧ
В. МАХОВСКИЙ

С Т И Х И

Д. ПЕТРОВСКИЙ
М. САДОФЬЕВ
Н. СИДОРЕНКО
С. ПЕТРОВ
В. АФАНАСЬЕВ
А. МОНАСТЫРСКИЙ

П Е Р Е Ж И Т О Е

А. НОВИКОВ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ
А. ИСБАХ

ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ

Б. ГАЛИН
М. ЧУМАНДРИН
П. МАКСИМОВ

К Р И Т И К А

Л. АНЕРБАХ
Е. ТРОЩЕНКО
А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

К Н И Г А

О Д И Н Н А Д Ц А Т А Я

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1

9

2

9

ЧЕХОВСКАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Чеховский сборник». Изд-во «Общества А. Чехова и его эпохи», М., 1929 г., стр. 342, ц. 2 руб. 25 коп. пер. 40 коп.

Дерман.—«Творческий портрет Чехова», изд. «Мир», М., 1929 г., стр. 348, ц. 2 руб. 50 коп., пер. 40 коп.

П. Коган.—«А. П. Чехов», «Московский рабочий», 1929 г., стр. 110, ц. 45 коп.

Д. Киреев.—«А. П. Чехов», Гиз, 1929 г., стр. 119, ц. 30 коп.

С легкой руки Михаила Кольцова, пожелавшего вместо прежнего «грима» надеть на Чехова веселую маску, посыпались, как из рога изобилия, статьи и книги, рьяно «доказывающие» чеховский «мажор», его «революционную созвучность нашей эпохе», чеховскую «бодрость», призывая к новой жизни и пр.

Под девизом этого нового «разгримированного», «найденного» Чехова проходит большая часть юбилейного материала.

Некоторые из авторов охотно ухватились за кольцовскую разгримировку из искренней любви к Чехову. Они полагают, что таким путем легче всего реабилитировать Чехова в глазах современного читателя, приблизить его к этому читателю. Очевидно, попрежнему «тьмы истин нам дороже нас возвышающий обман». Последователи Кольцова, как и полагается последователям, несколько переусердствовали, хватили через край. Жизнерадостность Чехова оказывается неизменной и беспредельной. Статья Сыромятникова «А. П. Чехов и русская интеллигенция» (Чеховский сборник) кончается такими словами: «Верен остался он (т.-е. Чехов) и своему бодрому смеху. За несколько часов до смерти он рассказал свой последний веселый рассказ».

Вся порочность этой «веселой» трактовки Чехова выразилась в означенном высказывании. Образ писателя строится не на основании его произведений, выросших из определенных исторических

условий—времени, среды, окружения писателя, не на основании его социальной биографии, а подхватывается какой-либо единственный мелкий биографический факт, подходящий под заранее подготовленную теорию, вырывается цитата из всего контекста жизни и произвольно строится новое толкование.

В другой статье того же Сыромятникова («Чехов в своих пьесах и на сцене» — «Чеховский сборник») говорится, что Художественный театр со Станиславским во главе совершил жестокое насилие по отношению к чеховским пьесам, ставя их в лирических и трагических тонах, в то время как, по мнению автора, «комедийный подход Чехова (разрядка наша) к российской действительности был основным и сказался с самых юных лет».

Возможность такого насилия над чеховскими пьесами автор объясняет особенностями зрительного зала театра чеховской эпохи, господствующими настроениями «той самой интеллигенции, которая смотрела чеховские пьесы и в которых она видела себя и любовалась сочувственно собой и тем самым заражала театр».

Невольно напрашивается вопрос: каким чудом Чехову, автору этих «комедий», удавалось стоять в стороне, быть вне этой атмосферы, вне этой интеллигенции, для которой он писал, вне ее настроений, вне Художественного театра? Каким воздухом он дышал и откуда он сам взялся?

Но подобные взгляды отнюдь не единичны. Крупные и малые журналы в юбилейные месяцы полны мажорных статей о Чехове. Полное игнорирование исторической действительности, «бездорожья» эпохи (по правильному выражению Кострова, см. его статью в «На лит. посту». № 18), из которой вышло чеховское творчество, характерно для этих толкователей. Из юбилейной литературы остановимся на некоторых материалах.

Объемистая книга Дермана имеет своей задачей анализ чеховского творчества в связи с особенностями его личности («Творческий портрет» — заглавие книги). По замыслу автора стержнем

книги должна была явиться идея о диалектическом развитии Чехова. Этой мысли уделено много места в предисловии, ей посвящена особая глава, и, кроме того, она повторяется через каждые две строки на третью. Но все же от этого она не становится убедительней. Чтобы конкретно представить себе ход суждений автора, приведем некоторые из них.

В главе «О некоторых особенностях чеховского стиля» автор стремится доказать, что известный чеховский лиризм вытекает из одной особенности характера Чехова — из врожденной холодности, «молчанья сердца». Чехов, осознав в себе это свойство как отрицательное, стремится от него освободиться в творчестве, отталкивается от него путем введения лирических вставок в ткань произведения, при чем подбор таких сильных лирических мест делает совершенно расчетливо, взвешенно, холодно.

Здесь мы как будто имеем налицо коллизию, противоречие, желанную «диалектику», которую так охотно и часто находит в Чехове автор книги. Но тем не менее тут возникают некоторые вопросы: можно ли вообще искать объяснения особенностям стиля писателя исключительно в свойствах его личности, как бы заманчиво это ни казалось? Разве особенности стиля писателя не вытекают из задания, положенного им в основу произведения, и разве само это задание находится вне потребностей эпохи и вне смены тематики и жанра (как это было с Чеховым)?

Чеховский лиризм, его грустное обозрение жизни в наибольшей мере продиктованы условиями времени и обстановки, взрастившей Чехова.

Кроме того, в самой трактовке Дермана содержится чрезвычайный парадокс. Спрашивается: откуда брал Чехов тепло, лиризм, чтобы прогнать свой холод? Из себя же? Следовательно, не так уже велик был холод, если у него хватало скрытой теплоты, чтобы совершенно растопить его, прогнать, сделать незаметным. Или тепло можно брать из холода? Может быть, в этом диалектика?

Но все же именно глава «Об особенностях чеховского стиля» — наиболее ценная во всей книге — ценна по многим правильным и тонким наблюдениям автора над стилем Чехова, но не объяснениями особенностей этого стиля, которые весьма и весьма спорны.

Спорно также все содержание главы о раннем творчестве Чехова. Автор придает чрезвычайное значение публицистической деятельности Чехова. Публицистические статьи «выпрямили» Чехова, сделали его общественным писателем, давали ему темы для рассказов.

Почему так спасительны были для Чехова-художника его обозрения — «Осколки московской жизни», которые он вел по настоянию Лейкина в «Осколках», остается совершенно непонятным и ни в какой мере не доказанным. Гипотеза, но не рабочая гипотеза, а нечто мешающее работе исследователя.

В книге Дермана дана правильная оценка Ю. Соболеву по поводу отношения Чехова к интеллигенции, приведено много правильных и интересных данных о неустойчивости Чехова в вопросах общечеловечности, о том, как часто он заблуждался, просто не разбирался в этих вопросах, как тянуло его к национальному шовинизму, к консервативным кругам, к Суворину, и тем более странно, что автор в конце книги каким-то боком примыкает к кольцовой тактовке, — Чехов вдруг оказывается революционером, правда, своеобразным.

«Мы полагаем, — читаем мы в конце книги, — что основным классификационным признаком революционности писателя, его, так сказать революционной, акциденцией и является характер того волнения, которое он сообщает читателю. Есть писатели, и даже огромного таланта (например, Гончаров, Лесков), которые оставляют обычно в своих читателях нечто в роде духовной сытости. И есть другие, которые создают в его душе духовный голод» (выделено автором). Чехов относится ко второй группе, потому что «обостряет нашу ненависть к обветшалым формам жизни... и в этом смысле, — продолжает автор, — мы затрудняемся назвать у нас писателя более революционного, чем Чехов».

Весь этот тезис чрезвычайно сомнителен. Прежде всего почему Гончаров, например, возбуждает «духовную сытость»? Разве Обломов не ярчайшая сатира на русский крепостной уклад? Гоголь, с этой точки зрения был величайшим революционером, ибо трудно представить себе более динамичные произведения по отношению к крепостной России, чем «Ревизор» и «Мертвые души».

По сути дела совершенно непонятно, почему должно во что бы то ни стало притягивать за уши к Чехову революционность. В Чехове таком, как он есть, не выдуманном и не разукрашенном, не мало ценного значительного и актуального для нашего времени. Чехов в этом смысле разделяет судьбу Гоголя. Общественно-политический прицел каждого из них был недалек, но орудия их активно оказались гораздо более дальнобойными, чем они сами думали. Сатира Чехова и горечь его о неустойчивости человеческой жизни в условиях современной ему русской действительности еще не утратили своей силы и поныне. И потому Чехов не умер и для наших дней.

В числе юбилейной литературы «Чеховский сборник», изданный «Обществом Чехова и его эпохи», занимает заметное место. В сборнике помещены неизданные письма, найденные статьи и, сверх того, статьи по отдельным вопросам чеховского творчества. Некоторых мы уже коснулись. Это две упомянутые статьи Сыромятникова, статья Дермана о раннем творчестве Чехова (глава из упомянутой книги).

Как исследование ценна статья Пиксанова о попытке Чехова создать романтического героя; заслуживает внимания статья «Французская книга о Чехове» как попытка осветить вопрос о восприятии Чехова Западно-европейской критической литературой, вопрос, которому до сих пор уделялось мало внимания.

К юбилейной литературе относятся также две биографии Чехова — Когана и Киреева. Они написаны как популярные очерки, и в дело исследования чеховского творчества нового вносят мало.